

Лян Чен посмотрел на группу детей, выражение его лица ухудшилось, когда он услышал, как они называют его родителей. Он даже не удосужился ответить на вопрос, так как был уверен, что эти дети определенно знали, кто он такой. Ребенок, который заговорил первым, это стройный мальчик с черными волосами, которого Лян Чен знал как Цин Юяня, снова заговорил с торжественным выражением на лице.

«Все в порядке, тебе не нужно это подтверждать, брат Лин уже сказал нам. Я пришел не для того, чтобы искать для тебя проблемы, я действительно пришел, чтобы помочь тебе. Ты бы видел, как люди смотрят на тебя. Они делают это из-за того, что ходят слухи, говоря, что именно молодой Мастер совершил этот великий грех, они также говорят, что ты тот, кто распространяет этот слух. Все, что вам нужно сделать, чтобы остановить эти взгляды, - это открыто высказаться. о предательстве, совершенном твоими родителями. Как только ты это сделаешь, больше не будет никого, кто обвинял бы тебя в чем-то настолько глупом, как распространение слухов о Молодом Мастере ".

Цин Юяня говорил с праведным выражением так, будто распространял слухи о том, что Цин Лан Юн был самым гнусным из преступлений. А для Цин Юяня распространение слухов о Цин Лан Юне действительно было одним из самых гнусных преступлений, которые только можно представить. Услышав его слова, выражение лица Лян Чена еще больше ухудшилось, его глаза стали холодными, когда он выплюнул несколько слов.

"Ты тупой? Зачем мне клеветать на своих родителей?"

Лян Чен понятия не имел, почему Цин Юяня поверил, что именно он распространял слухи о Цин Лан Юне. Но Цин Юяня был всего лишь ребенком, всего 12 лет. Для него это имело смысл, что сын казненной пары распространял слухи, чтобы свалить вину. Выражение лица Цин Юяня слегка исказилось, но Цин Хо Лин высказался прежде, чем Цин Юяня смог что-то сказать.

«Брат Чен, пожалуйста, не будь таким. Тебе просто нужно рассказать о грехе твоих родителя, как только ты это сделаешь, все будет лучше».

Голос Цин Хо Лин был наполнен почти умоляющим тоном, когда он посмотрел на Лян Чена. Но, услышав его слова, Лян Чену хотелось только посмеяться и плюнуть на него. После того, как он аплодировал казни родителей, он все еще осмеливался называть его братом? Если такой человек был братом, Лян Чен предпочитал, чтобы у него не было братьев.

«Я не твой брат Чен».

Выплывая слова, Лян Чен отвернулся от Цин Хо Лина, его глаза скользнули по площади вокруг них. Многие смотрели на них, но Лян Чен не обращал на них внимания, проматывая несколько воспоминаний.

«Ты помнишь? Месяц назад мы оба бродили здесь и играли вместе. Всего за месяц все немного изменилось».

Как он и сказал, они играли вместе как друзья всего месяц назад. Тем не менее, теперь они оба стояли по разные стороны: родителей Лян Чена клеймили как предателей и в итоге оказался совсем один, в то время как Цин Хуо Лин нашел новых друзей и даже хотел, чтобы Лян Чен оклеветал своих умерших родителей. Цин Хуо Лин слегка покачал головой, глядя на Лян Чена с умоляющим выражением лица.

«С этим ничего не поделаешь, люди просто рождаются разными, предназначенными для разных вещей. Я прошу тебя, брат Чен, выступить против своих родителей, мы все еще можем быть друзьями».

Лян Чен повернулся к Цин Хо Лин и Цин Юяню, его губы изогнулись в гневной усмешке, когда он уставился на них. Он выплюнул проклятие, бросив последний взгляд на Цин Хо Лин.

«Отвали. Я никогда не буду клеветать на своих родителей и никогда не буду дружить с тобой».

Лян Чен любил своих родителей всем сердцем, даже если кто-то угрожал ему смертью, он не сказал бы ни одного плохого слова о них. Выражение лица Цин Юяня еще больше замерзло, когда он услышал проклятие Лян Чена. Он сделал полшага ближе, легкое давление исходило от его тела, когда он заговорил.

«Значит ли это, что ты признаешь, что распространяешь слухи?»

Лян Чен чувствовал, что его тело толкает камень под давлением Цин Юяня, но он не дрогнул, снова выплевывая короткое проклятие.

"Я сказал, отвали".

Лян Чен не видел смысла говорить что-то еще. Даже если бы он отрицал, что именно он распространял слухи, он не думал, что Цин Юяня поверит ему. Скорее всего, он будет думать о нем как о лжеце и злиться на него. Поскольку конечный результат был таким же, он предпочел бы просто сказать, что он думает. Глаза Цин Юяня сузились в щели, его голос был ледяным, когда он говорил.

«Молодой Мастер - это будущее клана Цин. Кто, по вашему мнению, должен клеветать на него? Позвольте нам преподать тебе урок, вам тебе лучше выучить его быстрее».

Для Цин Юяня клан Цин был всем. Каждый, кто осмелился оклеветать будущее клана Цин, заслуживает жестокого избиения. Цин Юяня сделал еще один шаг вперед, сжав кулаки и нанеся удар в сторону Лян Чена. Цин Юяня уже достиг ранней стадии царства Башни Смертных, поэтому он был намного сильнее Лян Чена.

Удар попал Лян Чена по лицу, прежде чем он успел среагировать, и он рухнул на землю с кровью, льющейся из носа. Лян Чен почувствовал сильную боль от его лица, вкус крови,

наполняющий его рот. Прежде чем он успел даже подумать о том, чтобы нанести ответный удар, на его голову ударил еще один удар, поразивший его ухо, и в его голове раздался звонкий шум.

Еще несколько ударов руками и ногами начали обрушиваться на заземленного Лян Чена, другие дети присоединились к избиению, даже Цин Хоу Лин неохотно присоединился к избиению. Под натиском ударов Лян Чен почувствовал, что внутри него что-то медленно начало двигаться, в его голове раздался легкий щелкающий звук, когда его поразила мысль. Поскольку он мог быть безжалостен к себе на тренировках, что мешало ему сделать то же самое сейчас?

С мыслью о нем больше не было никакой остановки. Лян Чен слегка повернул свое тело, столкнувшись с множеством ударов ногами и ногами, с налитыми кровью глазами и окровавленным лицом. Каждый из детей, которые били его, был сильнее его, но этот факт даже не запомнился ему, когда он начал двигаться. Удар по лицу пробился, и Лян Чен принял меры.

Удар попал по его щеке и насильно повернул голову в сторону, но как раз тот, кто ударил его кулаком, собирался отвести руку назад, Лян Чен схватился за нее. Он открыл рот, обнажив свои окровавленные зубы, и изо всех сил прикусил руку, его зубы впились в запястье, остановились, только когда они ударились о кость.

Лян Чен услышал визг боли, но он не остановился, его разум был почти пуст. Удары руками и ногами продолжали бить его, пытаясь заставить его открыть рот, но боль была тем, к чему Лян Чен уже привык в последнее время. Он поднял голову, его глаза встретились глазами с мальчиком, которого он кусал, Цин Юянем. Лицо Лян Чена было окровавленным, его налитые кровью глаза, когда он смотрел на Цин Юяня с безумным блеском в глазах. Увидев эти глаза, Цин Юянь почувствовал, как по его позвоночнику пробежала дрожь. Когда он увидел, что Лян Чен одной рукой протянул руку к ножу, обвинившему его талию, Цин Юянь не смог сдержать испуганного крика.

"Черт! Ты совсем с ума сошел ?!"

Видя выражение в глазах Лян Чена, Цин Юянь был полностью убежден, что если Лян Чену удастся достать его нож, он немедленно ударит его ножом. Цин Юянь использовал свою свободную руку, чтобы наносить удары по лицу Лян Чена, надеясь помешать ему достать нож. Пока он продолжал бить его, издали раздался яростный крик.

"Эй! Какого черта ты делаешь ?!"

Один из мальчиков, который был частью группы, повернулся к направлению крика, выражение его лица немного исказилось, когда он увидел, кто кричал, Цин Чун. Он быстро предупредил остальных, бежавших в противоположном направлении от Цин Чуна. Цин Чун была сильнее всех, поэтому оставаться там было так же, как просить избиения.

«Черт, это Цин Чун. Мы должны уйти».

Только услышав голос Цин Чун, налитые кровью глаза Лян Чена немного успокоились, его рот открылся и позволил Цин Юйяню отвести руку назад. Запястье Цин Юйяня сильно кровоточило, его лицо было мокрым от пота. Но, несмотря на свое ужасное состояние, он все еще пытался оставить несколько сильных слов, когда бежал от приближающейся Цин Чун.

«Тебе лучше прекратить распространять эти слухи. Если нет, я бы хотел узнать, как долго ты сможешь прятаться за этой девушкой».

Цин Чун быстро добралась до Лян Чена, у которого все лицо было покрыто кровью, большая часть - его собственное, но часть от Цин Юйяня. Она быстро опустилась на колени перед ним, все ее лицо было выкрашено от беспокойства, когда она сорвала с одежды какой-то лоскуток, используя его, чтобы вытереть немного крови.

"Маленький Чен, ты в порядке?! Они тебя обидели?!"

Лян Чен не сразу ответил, его разум все еще наполовину застрял в трансе, в котором он только что находился. Когда мысль о том, чтобы быть таким же безжалостным в бою, каким он был на тренировках, поразила его, он почувствовал, что открыл совершенно новый Мир для себя. Так что, если его враги были сильнее его, он просто должен был быть более безжалостным, чем они. Получите удар в живот, чтобы нанести удар врагу в грудь. Цин Чун восприняла его молчание как знак того, что ему было грустно или больно, поэтому она быстро заговорила снова.

«Если что-то не так или кто-то тебя запугивает, ты можешь просто сказать мне. Я буду избивать любого, кто осмелится тебя обидеть! Они избили тебя из-за твоих родителей, я должна пойти и побить их?»

Наконец, Лян Чен вышел из транса, покачал головой и поднял глаза, чтобы посмотреть на Цин Чун. Видя выражение ее лица, которое представляло собой смесь беспокойства, гнева и грусти, он чувствовал, что заставлять ее волноваться еще дальше было неправильно. Поэтому он решил солгать. С теплой улыбкой на лице он сказал свою первую ложь.

«Все хорошо, старшая сестра Чун. Это даже не больно ни в малейшей степени. И ничего такого, им просто не нравилось мое лицо. Пока я буду избегать их в будущем, они ничего не сделают. "»

Цин Чун скептически посмотрела на Лян Чена, глядя ему в глаза. Она схватила его за руки, крепко сжимая их, когда говорила.

"Маленький Чен, ты уверен? Ты не можешь лгать Старшей Сестре, хорошо?"

Если бы не тот факт, что она знала Лян Чена всю свою жизнь и знала, что он никогда раньше не лгал, она, скорее всего, немедленно назвала бы его лжецом. Лян Чен откинулся назад, теплая улыбка на его лице превратилась в несколько дразнящую улыбку, когда он сказал свою

вторую ложь.

«Конечно, я не лгу. В конце концов, ты бы дала мне хороший удар, если бы я солгал, верно?»

Видя его несколько дразнящее выражение лица, Цин Чун слегка вздохнула. Она помогла Лян Чену встать, а затем послала несколько ударов в пустой воздух рядом с ними.

«Черт бы тебя побрал! Я бы дала тебе несколько хороших ударов по спине, так много, что ты больше не мог сидеть правильно. Ты уверен, что все в порядке?»

После того, как она пнула пустой воздух, она продолжала вытирать кровь с его лица, выражение ее лица было окрашено беспокойством. Лян Чен почувствовал тепло, когда увидел, что Цин Чун искренне переживала за него, поэтому он еще раз решил, что заставлять ее волноваться дальше было неправильно. Поэтому с нежной улыбкой на лице он сказал свою третью ложь.

«Да, все в порядке. Мне просто нужно вымыть лицо, и тогда мы можем начать свою прогулку».

Лян Чен взял теперь окровавленную ткань, которую держала Цин Чун, используя фонтан, чтобы очистить ее. Как только ткань снова стала чистой, он использовал ее, чтобы вымыть лицо и смыть всю кровь, прилипшую к его одежде. Как только он снова стал чистым, он потащил Цин Чуна по рынку, проверяя различных продавцов и пробуя еду, как они делали, когда были детьми. Цин Чун все еще была немного скептически настроена, но, увидев, как Лян Чен наслаждался, когда они шли, она медленно успокоилась.

Когда солнце достигло горизонта и начало садиться, Цин Чун внезапно вонзила руки в халат, вытаскивая маленький кусочек круглого нефрита. От нефрита сиял слабый свет, и, потянув его вверх, улыбка на лице Цин Чуна медленно поблекла, когда она заговорила.

«Мои родители зовут меня, я должна вернуться домой на ужин. Ты должен присоединиться ко мне!»

Нефрит в ее руках был чем-то, что можно было использовать для общения с другими. До тех пор, пока в нефрите было немного Ци другого человека, а у другого был такой же кусок нефрита, и он находился не слишком далеко, они могли общаться, помещая Ци в нефрит. Цин Чун держалась за запястье Лян Чена, когда она говорила, но он просто покачал головой, оттягивая руку с легкой улыбкой на лице.

«Нет необходимости, у меня есть обучение, которое я должен сделать. И твои родители были бы в ярости, если бы ты привел меня с собой».

Цин Чун, казалось, не хотела оставлять Лян Чена одного, поэтому она потянулась и снова схватила его за запястье, открывая рот, чтобы что-то сказать.

"Но..."

Прежде чем она успела закончить предложение, Лян Чен схватил ее за руку и остановил. Он издал легкий смешок, мягко сжимая ее руку, когда говорил.

«Никаких но. Тебе нужно поторопиться домой, не волнуй их слишком сильно, мы можем встретиться снова в другой день».

Слегка сжав ее руку, чтобы убедить ее, что с ним все в порядке, он отпустил и откинул руку назад. Цин Чун продолжала смотреть на Лян Чена с несколько обеспокоенным выражением, но в конце концов она кивнула.

«... Хорошо. Но ты должен убедиться, что сегодня ты правильно поешь и попьешь. Я приду завтра и позабочусь, чтобы ты хорошо поел и спал!»

Цин Чун указала прямо на лицо Лян Чена, как будто она угрожала ему убедиться, что он ел и спал правильно. Лян Чен издал еще один смех, несколько раз кивнув головой, чтобы заверить ее.

"Хорошо. Увидимся завтра, старшая сестра Чун."

Цин Чун бросила последний взгляд на Лян Чена, затем повернулась и пошла прочь. Лян Чен ненадолго наблюдал за ней, затем повернулся и вернулся в свой дом. Когда он закрыл и запер дверь, улыбка на его лице исчезла, все выражение его лица стало холодным, когда воспоминания о том, что произошло ранее, мелькнули у него на глазах.

Он шагнул к деревянному столбу, поднялся и начал ритмично ударять по нему. Каждый удар был нанесен в полную силу, встряхивая деревянный столб и посылая удары боли через его руки. Выражение его лица было холодным, когда он продолжал ударять по полюсу, легкое бормотание вырвалось из его губ.

«Вы правы, Цин Хо Лин, люди рождаются разными. Но это не значит, что они не могут измениться».

Пока Лян Чен продолжал ударять по полюсу, выражение его лица начало медленно меняться. Сегодня он кое-чему научился, и это было то, что он не мог проявить даже малейшей враждебности по отношению к Цин Лан Юну. В тот момент, когда кто-то заметил его враждебность по отношению к Цин Лан Юну, они могли просто убить его за то, что он осмелился думать о таких вещах против молодого мастера. Поэтому он должен был скрыть свой гнев, свою обиду, скрыть это глубоко.

С каждым ударом, который он наносил, каждым ударом, каждой каплей крови, которую он пролил, его ненависть была погребена глубже. С каждым ударом боли, пробивавшимся по его

телу, его холодное выражение медленно исчезало, теплая и приятная улыбка медленно распространялась по его лицу, а его ненависть все глубже и глубже погружалась в ожидание того дня, когда он может разразиться и поглотить Цин Лан Юна.

<http://tl.rulate.ru/book/19745/410462>